

Бета-тестеры Эпизод 17: Там, за перевалом

Мамонтово плато

12 сентября 12:22 реального времени

— Охота на мамонтов не только весьма выгодна с экономической точки зрения. Кроме всего прочего, это весьма увлекательный вид спорта, в полной мере демонстрирующий победу интеллекта над грубой физической силой. Это экстремальный спорт для настоящих мужчин, требующий не только выносливости и силы, но еще и слаженной работы коллектива, дисциплины, умения быстро принимать решения и, разумеется, железных нервов...

Зрелище загона мамонта было и вправду не для слабонервных. Громадная зверюга, размером со средний дачный дом, неслась со скоростью локомотива. Несмотря на внушительные габариты, эти звери обладали весьма шаткой психикой, были склонны к истерикам и легко впадали в панику. Чем бессовестно пользовались пещерные люди.

Алгоритм охоты был сравнительно прост и очень напоминал игру в гольф. Для начала надо было испугать мамонта, придав ему первоначальный импульс. Это было не так-то просто: в спокойном состоянии мамонты отличались крайней меланхолией и были глубоко погружены в себя. Очень важно было направить зверя точно в сторону вырытого котлована. Правильно психологически обработанный мамонт в состоянии устойчивой истерии хорошо держал курс, но двигался строго по прямой, так что ошибка в несколько градусов на старте была чревата неудачей: зверь проходил мимо ловушки.

Путем длительных экспериментов тестеры разработали более тонкий подход. На старте мамонта доводили до определенной точки испуга, в которой зверек уже начинал паниковать, но еще сохранял над собой контроль. Тогда ему на спину забрасывался агент-корректировщик, следящий за курсом и вычисляющий поправку. Потом серией корректирующих раздражителей его выводили точно на азимут. И только после этого доводили до «точки сборки».

Племя Пещерного Тушканчика отчаянно не любило охоту. Во-первых — сначала надо было рыть котлован. Во-вторых, переживший стресс мамонт слабо владел собой, в частности — абсолютно не контролировал желудок. В-третьих — мог изрядно помять. Но мамонятину любили все.

Была в процессе и некая мистическая деталь. Больше всего на свете мамонты боялись двух вещей. Во-первых — демонического хохота Банзая. Во-вторых — Мелиссу. Последнее поставило в тупик даже Ксенобайта и привело к изрядному конфузу.

Мелисса считала, что без репортажа об охоте на мамонтов видеоматериал об игре будет просто жалок. Но она непременно хотела, чтобы в нем была следующая сцена: несущийся во весь опор зверь на фоне заката, а на переднем плане — она, спокойно ведущая репортаж. Драматизм сцены оценили все, но воплотить ее в жизнь не представлялось никакой возможности. Едва завидев Мелиссу, любой мамонт, в каком бы состоянии он ни находился, панически трубил и менял курс на девяносто градусов.

Так что с репортажем тянули до последнего. Феномен так и остался необъясненным, но Ксенобайт с цинизмом истинного программиста предложил проверить, чего все-таки мамонт боится больше. Поэтому сегодня роль корректировщика курса, сидящего на загривке у зверя, выполнял сам Банзай.

— ...четвертая точка корректировки, запрашиваю поправку на пятнадцать градусов влево!

— Принято! Махмуд, точка четыре, корректировка пятнадцать градусов...

Ветер свистел в ушах, не было слышно ничего, кроме громоподобного топота. Банзай, гордо выпрямившись, стоял на загривке мамонта, ухватившись, словно за

поводья, за клочок густой длинной шерсти.

— Н-но-о-о! Н-но-о, залетные!!! — в полном восторге вопил Дед.

Справа по курсу приближались кусты. Неожиданно из них выскочили три пещерных человека, корча страшные рожи. Двое размахивали сделанным из двух шестов и куска шкуры транспарантом, на котором охрой было криво накарябано «Нет войне!», третий истошно ревел, колотя себя кулаками в грудь. Глаза мамонта закатились, он затрубил и шарахнулся прочь от этого кошмарного сюрреализма.

— Передоз на пять градусов. Двести метров до пятой отметки! Запрашиваю корректировку влево на пять градусов!

— Дед, не выдержит зверюга, общая коррекция за маршрут уже превысила сорок пять градусов!

— Давайте корректировку, я сказал! Пять градусов!!!

Мамонт несся напролом. В его реве уже слышалось истерическое хихиканье, свидетельствующее о том, что нежная психика зверя на пределе. Еще немного — и уже ничто, кроме Мелиссы, не свернет его с курса. Ксенобайт не раз задавался вопросом: куда деваются прошедшие мимо ловушки мамонты? Программист всерьез предполагал, что они, точно нейтрон, проходят насквозь все игровое пространство и вырываются за его пределы, приводя к сбоям в системе, даже собирался в свободное время написать специальный патч.

Последняя точка корректировки приближалась. У кустов справа по курсу стоял одинокий силуэт. Но мамонт, кажется, уже начал терять сцепление с реальностью.

— Ну же, миленький! — взмолился Банзай, изо всех сил дергая зверя за патлы. — Ну взгляни же! Пять градусов! Не губи репортаж, Мелисса же из нас печенки вынет! Пять градусов!

Глаза зверя мигнули и сфокусировались на проступившем из облака пыли силуэте...

У дороги, ссутулившись, стоял Ксенобайт. У него на голове была вылепленная из глины маска, криво изображающая череп мамонта. Сверху была накинута мохнатая шкура, а в руках — что-то похожее на косу. Ксенобайт строго грозил мамонту пальцем.

Мамонт даже не затрубил. Он истерически заверещал. Бег его стал неровен: кажется, у зверя подкашивались лапы. Но Банзай на его заливке торжествующе закричал:

— Азимут взят! Погрешность в пределах допустимого! Вперед, вперед, мой верный слон! Позади закатное солнце, впереди — Вальхалла!

Это казалось невозможным, но скорость мохнатого исполина увеличилась. Земля мелко дрожала от его поступи, ветер стонал, рассекаемый бивнями. Близился момент истины.

И тут глаза мамонта выпучились. Он увидел впереди Мелиссу, и неведомые цепи замкнулись в его электронном мозгу. Впереди был величайший ужас племени мохнатых слонов, и все инстинкты вопили не своим голосом: прочь! Но на заливке ухал, точно филин, Банзай, и этот вектор гнал вперед, складываясь с уже набранной скоростью.

Ксенобайт тайком скрестил пальцы и зажмурился. Больше всего он боялся, что зверь уйдет по некоему результирующему вектору. Но мамонт поступил иначе. Он вдруг встал на дыбы, издав последний отчаянный рев. Банзая катапультировало вперед, мохнатый зверь, влекомый неумолимой инерцией, завалился на спину и покатился, сокрушая все на своем пути, точно перевернувшийся грузовик. Мелисса, сложив руки на груди, продолжала упрямо стоять на месте, прожигая летящую на нее громаду яростным взглядом. Она продолжала стоять, пока туша мамонта не замерла в пяти метрах от нее.

— Спасатели, вперед! — вопил Мак-Мэд.

Четверо охотников быстро растянули здоровенную шкуру и заметались по полю, глядя в небо. Потерять вождя было просто недопустимо, впрочем, экстренное катапультирование уже давно было отработанным охотничьим приемом, так что вскоре начальство благополучно приземлилось в центр растянутой шкуры.

— Неплохо, — сдержанно заметил Банзай после того, как его поставили на ноги и бережно отряхнули от пыли. — Немного тяжеловат на поворотах, но ходовые качества

отменные. Ну-с, Мелисса, как репортаж?

— С ума сойти, — дрожащим голосом пробормотала Внучка. Лицо у нее было бледным, коленки тряслись. — Мелисса... Я чуть в обморок не грохнулась, когда эта махина на нас полетела...

Все невольно оглянулись на мамонта. Он лежал в каких-то десяти метрах от ловушки.

— Почему эта зверюга валяется тут, а не в яме?! — ледяным тоном процедила Мелисса. — По сценарию в последний момент я должна была изящно отскочить, а эта мохнатая сволочь — рухнуть в ловушку!

Подошедший к компании Ксенобайт, прищурившись, направился к мамонту. Пошупав его хобот, оттянув веко вверх и задумчиво глянув в помутневший глаз, программист обернулся и торжественно стянул с головы маску.

— Сдох он, — грустно сообщил Ксенобайт. — Инфаркт.

Охотники постыгивали с голов шлемы и молча взяли копья на караул.

— Он был хорошим мамонтом, — откашлявшись, торжественно объявил Банзай, — и в следующей жизни, несомненно, станет настоящим слоном. Он был быстр и кроток, никому не причинял вреда и гибелью своей принес нам много мяса. Возблагодарим же...

— Так, — резко оборвала его Мелисса. — Все труды бронтозавру под хвост. Срочно загоните еще одного мамонта для следующего дубля!

— А следующего дубля не будет, — угрюмо заявил Мак-Мэд. — У нас мамонты кончились.

Ставка вождя племени Пещерного Тушканчика

12 сентября 12:41 реального времени

— Ты можешь толком объяснить? Как это — кончились?

— Ну вот так, взяли — и все закончились, — развел руками Мак-Мэд. — Мы же их с начала игры истребляем. Мамонтово плато ловушками изрыто, как Курская дуга — воронками. А мы их все жрем и жрем. Ну и вот. Мои следопыты и так с утра все окрестности перекопали, пока этого доходягу нашли.

— Та-ак, — вздохнул Банзай. — Слушай, Мак, а динозавров в округе когда в последний раз видели?

— Давненько, — задумчиво пожал плечами Мак-Мэд. — Ну вот уж на их счет никто особо не грустит. Грубые, кровожадные, абсолютно невкусные твари.

— Вы понимаете, что это может означать? — негромко спросил Банзай.

— Что?

— Мамонты у нас не закончились. Мамонты у нас вымерли.

Все притихли, обдумывая эту новость.

— Ты хочешь сказать, что пора обзаводиться теплыми вещами? — угрюмо уточнил Ксенобайт.

— Где-то так, — кивнул Банзай. — Ледник идет, ребята.

Встав с кресла, высеченного из цельного куска гранита и застеленного пушистыми шкурками, Банзай подошел к стене, на которой была изображена карта местности.

— Глядите сюда. Вот наше стойбище. Мы уже довольно давно выяснили, что находимся на полуострове. До сих пор нам вполне хватало оказавшейся в нашем распоряжении территории, но, в конечном итоге, с трех сторон нас ограничивает море, а с севера — Большой Бугор. После истории с Ужасным Тумбарикиту было предпринято две попытки форсировать его, и обе завершились неудачей.

Ксенобайт с Мак-Мэдом разом помрачнели. Программист до сих пор не любил вспоминать идиотскую историю вторгшегося на его теологическую территорию злого духа, а Мак-Мэд — две потерянные группы следопытов, канувшие в Лету вместе с новейшим бронзовым вооружением.

— В общем так, товарищи, — вздохнул Банзай. — Не первую игру играем, поверьте моему чутью. Нас ждет грандиозная подстава. Не сегодня-завтра грянет глобальная катастрофа, с неба брякнется метеорит, начнется ледниковый период. Не знаю, что именно, — но будет больно. И, боюсь, если к тому времени мы не найдем выхода за

Большой Бугор — нам крышка. Конец игры, откат на сейв.

— У меня другая мысль, — вяло буркнул Ксенобайт. — Вследствие глобальной катастрофы как раз открывается доступ вглубь материка. Нам хорошо подрезают ресурсы, игра получает новый виток.

— Вполне возможный сценарий, — кивнул Банзай. — Я долго думал, какое развитие событий более вероятно. И в конечном счете решил обратиться к нашему местному оракулу.

— Какому это? — удивленно вздернула бровь Мелисса.

Банзай отошел в угол пещеры и сдернул шкуру с обнаружившейся там клетки. В клетке сидел здоровенный попугай, выполнявший в игре роль архива.

— Ненавижу эту птицу, — доверительно сообщил Ксенобайт.

Попугай выглядел изрядно потрепанным, в его хвосте были видны изрядные прорехи.

— Я тебя понимаю, — проворчал Банзай. — Но в конечном итоге мы нашли общий язык. Ну, птица, говори.

— Да че говорить-то, начальник? — угрюмо проворчал попугай. — В общем, пророчество вам, приматы. Придет срок — и нужно вам будет канать отсюда тропой Пещерного Тушканчика, осваивать новые пастбища, до того, как придет большой полярный зверь.

— Когда было оставлено пророчество?

— С самого начала, балда, — огрызнулся попугай.

— И ты все это время молчал? — почти с нежностью проговорил Ксенобайт и вдруг рванулся вперед. — Дайте я его задушу!

— Не бей, начальник! — испуганно завопил попугай, шарахаясь в дальний конец клетки. — Так ведь никто не спрашивал! Вы же только о прошлом...

— Спокойно, Ксен, спокойно. Сварить мы его всегда успеем, может, еще чего полезного скажет. А ты лучше подумай: что это за тропа Тушканчика?

Хребет Большой Бугор

12 сентября 14:18 реального времени

— Жалкое зрелище, — с легким презрением отметил Ксенобайт, глядя на барахтавшихся в воде ботов.

Махмуд только вздохнул. В ходе мозгового штурма было разработано несколько планов транспортировки на континент. Предложение Ксенобайта десантироваться с утеса Тумбарикиту и далее искать тропу закончилось поражением: поисковая партия так и не вернулась. Следопыты Мак-Мэда тщетно искали перевал. Махмуд же предложил идти водным путем.

Из костей мамонтов и шкур было построено чудовище, которое отдаленно напоминало изрядно пожеванную шлюпку размером с Ноев ковчег. Первый в истории корабль был оснащен тремя вытесанными из баобабов веслами, окрещен «Пингом» и помпезно затонул вместе со всем экипажем на восьмой минуте после отплытия.

— Значит, такая мысль, — сосредоточенно заявил программист. — Берем желудок бронтозавра. Идем на Смердящие болота и там накачиваем его из гейзера. Получаем воздушный шар. Проводим разведку с воздуха и...

— Слышь, ты, братья Монгольфье два-в-одном, «Титаник» мы уже построили, — раздраженно кивнула в сторону пляжа Мелисса. — Теперь будем строить «Граф Цеппелин»?

— Должен быть какой-то менее извращенный способ, — проворчал Махмуд. — К тому же тушканчики не летают!

— Да они и плавают не ахти, — огрызнулся Ксенобайт.

Мрачные тестеры развернулись и направились обратно в стойбище.

— Тупик. Мы пробовали форсировать хребет по земле и по воде. Остается только по

воздуху, — упрямо продолжал гнуть свою линию Ксенобайт. — Ладно, а если собрать дельтаплан из перепонки с крыльев птеродактилей? Наверняка программисты в них что-то подкрутили, не может такая машина так шустро летать!

— Ксен, как говорили классики: «рожденный ползать — летать не может». Даже если получится — это будет использование бага. А простые смертные как выкручиваться должны? Ну не наступила тут еще эра авиации...

— Ребята, — вдруг проговорила Внучка. — По земле, по воде, по воздуху... А что если под землей?

Тестеры остановились, задумчиво глядя на Внучку.

— Подкоп? — с сомнением глядя на скалы, проговорил Махмуд. — Ну, Внучка, это уж ты хватила через край...

— Правильно! — глаза Ксенобайта загорелись нездоровым блеском. — Древесный уголь сделаем, серу поищем в Смердящем болоте... Селитра, нужна селитра! Или нет, надо, чтобы жажнуло покрепче...

— Ксен, ты что задумал? — с опаской уточнила Мелисса.

— Динамит! Нам нужен динамит. И побольше.

— Отставить динамит! — в один голос завопили Мак-Мэд и Махмуд.

— Да ладно вам, во всем мире горнопроходческие работы...

— Да нет, ребята! — замахала руками Внучка. — Должна быть уже готовая дыра!

— Дыра в горе — это пещера, — рассудительно заметил Махмуд. — В пещерах мы живем. Мы же с вами пещерные люди, правда?

— Ну?

— Так вот. Все пригодные для жизни пещеры мы уже обследовали. Квартирный вопрос, знаете ли. А зараза Ксенобайт нам все никак кирпичи изобрести не может!

— Значит — нужна непригодная!

— Непригодные для жизни мы уже тоже обследовали, — вздохнула Мелисса, — переоборудовали и сделали пригодными.

— Погодите-ка, — вдруг пробормотал Ксенобайт. Лицо его приобрело отсутствующее выражение. — Но ведь есть пещера, которую мы не обследовали... Пещера Большого Тушканчика!

Пещера Большого Тушканчика

12 сентября 15:01 реального времени

Пещера Большого Тушканчика была, как нетрудно догадаться, святыней племени. По легенде, именно там и обитал тотем племени, великий и загадочный Пещерный Тушканчик. Так ли это на самом деле — никто не проверял, вход в пещеру был строжайшим табу.

Боты боялись этой пещеры до полного отсутствия аппетита. Для эксперимента Ксенобайт как-то раз сунул туда целую связку бананов. Никто из ботов так и не осмелился их стянуть. Это говорило о многом.

Быть может, опасения племени имели под собой не только религиозную почву. Как-то в сильную засуху в пещеру залез здоровенный пещерный медведь. Ксенобайт видел это лично, он как раз в это время проводил торжественный обряд по отмене бедствия и вынужден был забраться на верхушку тотемного столба. Медведь, немного порычав на программиста, полез в прохладные глубины святыни.

Ксенобайт посидел еще на столбе, потом слез и пошел собирать охотников для расправы над наглым животным. Однако, вернувшись, он обнаружил недалеко от входа аккуратно обглоданный медвежий скелет.

Впрочем, все приметы совпадали. Что, спрашивается, могло лучше подойти на звание «Тропы Пещерного Тушканчика»? Однако — как заставить трясущихся от страха пещерных людей преодолеть табу?

— Я пойду сзади, — мрачно предложил Ксенобайт. — Вот и проверим, кого они боятся больше: мифического Тушканчика или реального меня!

— Мамонта помнишь? — мрачно предостерегла Мелисса. — Так у нас все племя дуба даст.

Выход был только один. Где-то полчаса Ксенобайт камлал у тотемного столба перед входом в священную пещеру. Он завывал и корчился, отбивал чечетку не хуже бравших Зимний дворец матросов, периодически взрывал, вращал глазами и колотил в бубен. Племя рыдало от гордости за своего шамана. Внучка, не отрываясь от камеры, шепотом клялась, что, когда она продаст эту видеозапись на телевидение, два Майкла, Джексон и Флэтли, перевернутся в гробу.

Последний раз пройдясь «лунной дорожкой» перед тотемным столбом, Ксенобайт стукнул в бубен и сдержанно предложил записываться в добровольцы. Площадка моментально опустела. Кажется, телепортацию пещерные люди освоили куда раньше полетов.

Программист устало опустил бубен, вздохнул и яростно боднул тотем племени.

— Вот паразиты, — горько проговорил он. — Я тут для них распинаюсь, как гармонист на дискотеке, а они... Чума на оба ваших чума, блохастые кретины!

— Ксен, ну не переживай ты так, — неуверенно попыталась утешить его Внучка. — Им понравилось! Только...

— Только никто не хочет быть первым, — хмыкнула Мелисса. — Так что лезть придется нам. Что, в принципе, логично. Вот увидишь, если мы войдем в эту пещеру, пройдем ее насквозь и вернемся...

— К тому же, — кисло заметил Мак-Мэд, — у нас есть два добровольца.

Ксенобайт уныло глянул на «добровольцев» и застонал.

— Волчья Лапка... Я мог бы догадаться. Кто там второй?

Субъект в потертой шкуре с достоинством вышел вперед.

— Гадючий Язык. Сюрреализм. Унесите, — пробормотал программист. — Я могу понять Лапку, но ты?! Ты всегда был грязным сплетником, лентяем и пронырой, но при этом производил впечатление разумного существа. Что тебе-то не сидится?

— Не знаю, — холодно ответил Язык, ковыряясь грязным пальцем в ухе. — Меня тут все третируют и никто не уважает. Если вернемся — стану героем. К тому же мне страсть как хочется взглянуть: что же такое в этой пещере? И что за Большим Бугром?

— Поздравляю, Язык, — угрюмо буркнул Ксенобайт. — Ты стал настоящим человеком. И вообще, вранье все это: не труд сделал из обезьяны человека, а любопытство и жажда халявы.

Собрав все необходимое, маленький отряд двинулся в путь. Напоследок Банзай задвинул пламенную речь на тему того, что он, вождь, можно сказать — отец племени, лично отправляется прокладывать дорогу к светлому будущему для своего народа.

Народ аплодировал, рыдал, но оказывать поддержку по-прежнему не спешил. Тестеры в сопровождении двух ботов скрылись в недрах пещеры.

За первым, выходящим на поверхность залом обнаружился довольно широкий тоннель. Сначала все было сравнительно спокойно, но чем дальше, тем чаще неровный свет факела стал выхватывать из темноты обглоданные скелеты с переломанными костями и проломленными черепами.

— Не нравится мне тут, — сдержанно заметил Гадючий Язык. — Вообще-то, строго говоря, мы совершаем святотатство. Ведь ясно же было сказано — табу. Есть, конечно, в народе мнение, что табу — пережиток дремучих времен, когда наш мохнатый предок еще не умел обрабатывать камень и боялся мамонтов. Мол, в наш просвещенный век, когда человек поставил себе на службу такие стихии, как огонь...

— Язык, заткнись, — посоветовал Ксенобайт. — Я шаман или кто? Я же благословил всех.

— Так-то оно так, — кивнул Гадючий Язык. — И правильно говорят: времена меняются. Мол, крутые времена требуют крутых решений. Но вот был в моей практике такой случай. Жил в нашем племени охотник один, Мохнатый Фасимба. Был он, надо сказать, дурак и грубиян, а еще жадный очень. Впрочем, к данному делу это не относится, хотя как-то раз добыл он целого птеродактиля, а тут я мимо иду, ну, и говорю, мол, поделись, ибо...

— Прокрути, — поморщился Махмуд.

— А... ну да. Так вот. Решил он как-то в Крокодиловом омуте искупаться.

— Зачем? — удивленно спросил Мак-Мэд.

— Да наврал ему кто-то, мол, если часто купаться, девушкам больше нравится будешь. Ну, а Фасимба так подумал: купаться в Крокодиловом омуте — табу. Значит, если все-таки там искупаться, то потом можно вообще не мыться, а девушки все равно любить будут. Большой мыслитель был Фасимба, этого не отнять. Но ведь — табу. И решил Фасимба большую жертву духам принести, значит, чтобы для него исключение сделали. Что им, жалко, что ли?

— И что?

— И все. Сожрали его крокодилы.

— Дурак твой Фасимба был, — хмыкнул Махмуд. — В Крокодиловом омуте не потому купаться нельзя, что табу, а потому, что там крокодилов полно. Вернее, потому и табу, что нельзя.

— Вы хотите сказать, — хладнокровно парировал Гадючий Язык, — что в случае с Крокодиловым омутом табу имело под собой прагматические обоснования?

— И где ты таких умных слов нахватался? — поразился Ксенобайт.

— У питекантропов.

— Ты смотри, Язык, — веско заметил Махмуд. — Питекантропов, если помнишь, умные слова до добра не довели.

— Э-э-э, — смутился Гадючий Язык. — Это точно, но я-то к чему это все?

— Ну?

— А вдруг и тут имеет место логическое обоснование наложенного традицией запрета?

— Ты попроще говори, а то по шее получишь.

— Ну... Вдруг и тут крокодилов полно?

Группа даже остановилась, чтобы обдумать слова сплетника.

— Тут крокодилы не водятся, — уверенно заявила Внучка. — Они сырость любят.

— Наш друг изволит выражаться фигурально, — криво усмехнулся Ксенобайт.

— Да какое там фигурально! — запротестовал Язык. — Я крокодила пару раз видел. Хлебало — с меня размером, а зубищи — в палец длиной! Ну его в болото, один такой мне чуть ногу не отхватил. Одно спасение — на дерево забрался. А тут, заметьте, ни одного дерева!

— Не бойся, — обняв Языка за плечи, веско проговорил Махмуд. — Я с тобой. От крокодилов, так и быть, мы тебя тут защитим. Но вот за паникерство и вражескую пропаганду я тебе, если что, язык вырву. Договорились?

Ксенобайт время от времени проверял координаты группы. Вообще-то такая возможность не была предусмотрена в игре, но программист, повозившись, вычислил, где в памяти хранится эта ценная характеристика, и написал специальную программку, транслирующую ее в игру.

К счастью для тестеров, пещера почти не ветвилась, только все больше уходила вниз, под землю. В одном месте тестерам пришлось отбиваться от стаи пещерных волков, потом им на головы посыпались полчища летучих мышей. По предположению Ксенобайта, это был обнадеживающий признак: близко выход на поверхность. Мелисса его, однако, тут же оборвала, заметив, что программисты могли просто расставить тут монстров, не вдаваясь в тонкости замкнутой экосистемы.

Неожиданно тоннель приобрел заметный уклон вверх. Обрадованные тестеры поднажали. И неожиданно оказались в огромной пещере.

Пещера имела собственное освещение. По ее краям ручейком текла лава. Впрочем, сразу было видно, что это чистой воды декорация, созданная для того, чтобы игроки по достоинству оценили зрелище. От края до края пещера была засыпана костями. Волки, медведи, динозавры... Попадались и человеческие черепа.

А в центре пещеры лежало нечто большое, мохнатое, издающее хриплое дыхание. Почуввав в своих владениях посторонних, зверь утробно зарычал и медленно встал на лапы.

— Что это?! — взвизгнула Внучка, машинально вскидывая камеру.

— Это — тотем нашего племени, — медленно проговорил Банзай. — Реликтовый саблезубый тушканчик.

Тушканчик был раза в два больше медведя гризли. Длинные мускулистые ноги, толстый хвост с пушистой кисточкой на конце, похожие на заячьи уши и трогательно прижатые к груди передние лапки. Только вот лапки эти были оснащены когтями, которым позавидовал бы и тираннозавр, а из пасти выглядывали два длинных острых клыка.

— Да, товарищи, это вам не мамонтов по равнине гонять, — заметил Махмуд.

Тушканчик наострил уши и, шумно приняхавшись, оглушительно взревел.

— Атас, братва! — завопил вдруг Гадючий Язык, ловко отпрыгивая в сторону.

Тушканчик, вильнув задом, неожиданно ловко хлестнул хвостом, точно бичом, по тому месту, где только что стояли тестеры. Послышался громкий щелчок, похожий на выстрел из дробовика. Тестеры, следуя примеру Гадючьего Языка, попрыгали в разные стороны, точно блохи. Тушканчик снова переступил лапами и взревел.

Мак-Мэд, выглянув из-за костяного холмика, быстро раскрутил над головой пращу. Булыжник размером с кулак с сухим треском отскочил от черепа кровожадного тотема. В следующий миг стрелок вынужден был срочно сменить позицию: когда зверюга ринулась искать обидчика. Воспользовавшись случаем, Махмуд зашел с тыла и что было сил саданул кувалдой с бронзовым бойком по пушистой кисточке хвоста. Тушканчик оскорблено заревел и зашвырнул ходока куда-то вглубь пещеры.

Банзай ринулся в атаку молча, сосредоточенно, молниеносно. Поднырнув под просвиственный в воздухе хвост, он сделал кувырок и вогнал наконечник копья в ляжку монстра.

Саблезубый тушканчик рассвирепел. Оглушительно вереща, он принялся подпрыгивать на месте, отчего пещера затряслась, а кости на ее полу принялись с сухим треском подпрыгивать. Еще один булыжник треснул его по затылку. Тушканчик резко развернулся, однако по пути ему на глаза попался Гадючий Язык.

— Не тронь Языка, падла! — заорал Ксенобайт, выскакивая из укрытия и размахивая руками. — Это же первый в племени раздолбай!

Бесполезно. Зарывав, тушканчик бросился на добычу. Однако произошло странное: Гадючий Язык вдруг подобрался и подпрыгнул в воздух, умудрившись не только избежать клыков, но и больно пнуть чудовище голый пяткой в нос. Тушканчик, иступленно вереща, вновь ринулся в атаку, но Гадючий Язык прыгал, точно мячик, уворачиваясь и колотя противника.

— Во дает, зараза, — пораженно заметил Мак-Мэд.

— А я-то думал, как он до сих пор выжил-то? — почесал в затылке Махмуд. — Уж сколько раз сам его придушить хотел за болтовню...

Мелисса, воспользовавшись суматохой, хладнокровно метнула дротик с наконечником из шипастой кости. Дротик вошел в бок монстра, сломавшись и оставив внутри наконечник, но Мелисса пропустила ответный удар хвоста. Кисточка смела ее, точно соринку со стола, сила удара крепко впечатала в стену. Тушканчик, завывая от боли, метнулся вперед, прижав девушку лапой к покрытому костями полу.

И тут, заорав, на тушканчика кинулся Ксенобайт.

— А ну стоять! В глаза смотреть! В глаза, говорю!

Тушканчик, на миг замерев, развернулся клыкастой мордой к выскочившему в центр пещеры программисту и зарычал.

— Сюда иди! Сюда, я сказал! Я — шаман! Это ведь наше, семейное дело, так?

Тушканчик, как загипнотизированный, убрал лапу с тела Мелиссы и, пригнув голову, тяжелой поступью направился к программисту.

— Хорошо! Иди сюда! Поговорим как мужики! — яростно прошипел Ксенобайт, прокручивая в руке бакауттовую дубинку с шипастым шариком на конце.

Тушканчик ринулся в атаку. Ксенобайт, изворачиваясь, взмахнул дубинкой, нырнул под лапу, снова ударил. На шкуре монстра остались кровавые борозды. Ксенобайту

тоже досталось, но он продолжал яростно молотить чудовище, уклоняясь от его ударов.

— Он не выдержит долго такого темпа, — озабоченно покачивая головой, пробормотал Мак-Мэд.

Он оказался прав. Но, похоже, Ксенобайту удалось здорово потрепать чудовище. Через какое-то время они отскочили друг от друга и закружили, сверля друг друга взглядами. По всему было видно, что тушканчик приходит в себя гораздо быстрее. Вот он уже напряжился, готовясь к прыжку. Ксенобайт крепче сжал свою дубинку.

И тут вперед метнулась Волчья Лапка. Пронзительно закричав, она запустила в тушканчика тлеющим факелом. Монстр испуганно пискнул и бросился на нового врага. Лапка увернулась от удара, прыгнула в сторону и, размахнувшись, опустила дубину на колено зверя. Нога тушканчика подломилась, он, пронзительно вереща, рухнул, придавливая собой Лапку. Опешивший Ксенобайт взвыл и бросился вперед.

Еще пару секунд тестеры глядели на брыкающийся клубок, а потом, заорав, все скопом бросились на тушканчика, молотя его дубинами и копьями. Ксенобайта затянуло куда-то под тушу, тушканчик утробно рычал, щелкал челюстями, лягался, но встать не мог. Неожиданно он взревел так, что пещера затряслась, взвился... и рухнул на спину.

Наступила тишина. Из кучи костей, крича, поднялся Ксенобайт. Держась за поясницу и прихрамывая, он заковылял к тушканчику. Склонившись над его тушей, он ухватился за что-то и, поднатужившись, вытащил из груди монстра здоровенный бронзовый нож с грубо откованным лезвием.

— Ксен, ты полный идиот! Если ты научился делать ножи — почему не сказал нам?! А если уж это был первый, экспериментальный образец, почему не пустил его в ход сразу?! Ведь сразу же видно, что повреждение у него гораздо круче, чем у этой твоей дубинки...

— Оптимист ты, Махмуд, — устало проворчал Ксенобайт.

От пещеры Саблезубого Тушканчика шел прямой короткий тоннель, миновав который, тестеры увидели перед собой бескрайний лес. Непроступный хребет Большого Бугра остался позади, впереди были новые горизонты. Можно было возвращаться, дабы явить племени чудо. Можно было идти обратно.

Хиты восстанавливались медленно. По пути они с трудом отбились от загулявшего пещерного медведя. Ксенобайт, шатаясь, поддерживал едва живую Волчью Лапку.

— Оптимист ты, Махмуд, — повторил программист. — Если бы я освоил технологиюковки, я бы задержал всю эту авантюру до тех пор, пока не вооружил бы всех ножами. Это же логично.

— Не понял? — Махмуд встал как вкопанный.

— Нож валялся в пещере. Среди костей. Я его нащупал, когда чертова зверюга попыталась расплющить меня.

— Повезло тебе, шельма.

— Повезло? — глухо булькнул Ксенобайт. — Пошеруди мозгами, гориллоид! Откуда он там взялся?

— Ну... Разработчики подкинули. Все-таки этот бешеный тушкан — явный босс.

— Ага, с разбегу. Так-таки просто так и подкинули. Нет, Махмудыч. Могу поспорить на деньги: там, за Бугром, живет племя, вооруженное такими ножами. Думаю, если покопаться в костях, можно будет найти еще несколько. И это будет наш стартовый капитал. Потому что пришла пора снова бороться за выживание. И на этот раз — не только с дикой природой.

— Ксен прав, — буркнул Банзай. — А я уж, грешным делом, надеялся, что мы близки к финальному ролику...

— Ну, значит, еще поиграем, — оптимистично заметил Махмуд. — Эх, война будет!

— Будет. Но не сразу. Думаю, у нас еще есть какое-то время на подготовку.

— Добрались.

Впереди виднелась до боли знакомая площадка с тотемным столбом посередине.

— Было круто, — заявила Внучка, просматривая отснятый материал. — Гляди, Ксен! Я успела снять, как Лапка бросилась тебя защищать! Гляди...

— Да уж, — проворчал программист, заглядывая в окошко Внучкиной камеры.

Потом Ксенобайт бросил тяжелый взгляд через плечо. Стоящая за его спиной Волчья Лапка, на миг застыв, смущенно хихикнула и, спрятав за спину дубину, бочком стала отходить в сторону.

— Мелисса... Можно тебя на минутку? — хмуро буркнул программист.

— Ну?

— Ты у нас спец по культуре... Какие у нас нынче брачные обычаи?

— Да все те же, — хмуро буркнула Мелисса. — Шарахнул по башке дубиной — и поволок в пещеру.

— И что?

— И все. А ты на что рассчитывал? Это тебе экономический симулятор, а не...

— Стоп, хватит. Значит — дубина, пещера. Все?

— Все.

— Бить надо сильно?

— Ну... Э... не очень. Насколько я поняла, главное — обозначить момент. Погоди, Ксен, ты что это задумал?

— Потом объясню, — Ксенобайт с сомнением взглянул на свое оружие. — Не, так и покалечить недолго... Мак! Мак, у тебя есть запасная дубина? Одолжи на пару минут, мне тут кое-кого счастливым надо сделать... Лапка! Это... Пойдем-ка прогуляемся поближе к пещере...